

Семь. Повесть о детстве

Килунин Кирилл

Кирилл Килунин
Семь. Повесть о детстве

«Автор»

2019

Килунин К. Б.

Семь. Повесть о детстве / К. Б. Килунин — «Автор», 2019

В детстве с каждым из нас происходили чудеса, но мы выросли и забыли о них. Или просто перестали в них верить. Я расскажу тебе, как было у меня, и, может быть, и ты вспомнишь....Для создания иллюстраций и обложки книги использована бесплатная версия нейросети Сбер Кандинский 2.1. (Fusion Brain).

© Килунин К. Б., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Начало....	5
1. У бабушки в деревне. Друзья...	6
2. Его зовут Медведь	8
3. Старое кладбище	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Кирилл Килунин

Семь. Повесть о детстве

Начало....

*

Один раз, когда мне было семь лет, я очень сильно заболел... Три или четыре ночи подряд, раз за разом, я проваливался в липкую бархатную тьму и летел, захлебываясь собственным криком, обливаясь от окружающего жара серым горьким потом. А днем меня знобило, и я закутывался в несколько шерстяных одеял и дрожал там как заяц под кустом.

Где-то, на второй день болезни, я так ослаб, что не мог подняться на ноги, поэтому в туалет, соскользнув со своей еще детской низкой кровати, я полз на коленях, упираясь в доски пола локтями. Мама кричала, она ругалась, она, конечно же, знала, что мне плохо, но не могла, или не хотела поверить, насколько... мне плохо.

– Зачем ты притворяешься..? – громко шептала она хриплым злым голосом. А я в ответ обиженно плакал, но без слез, они все высохли еще ночью от жара.

Когда я стал взрослым, то понял, что за ее хриплым громким шепотом прятался обычный – мамин страх. Она просто не желала верить в самое плохое, а я выкарабкался, провалявшись вместе со своей болезнью почти месяц, категорически отказываясь лечь в больницу, или идти в школу.

Я месяц лежал на животе, так как не мог спать спокойно на исколотой уколами заднице. С тех пор у меня на всю жизнь осталась привычка, во сне хвататься за каркас кровати, до судорог сжимая эту сомнительную опору, и я до сих пор боюсь, однажды провалится в эту липкую бархатную жуть.... черную жару или нескончаемую тьму.

*

1. У бабушки в деревне. Друзья...

*

Мир благоухает яблочным пирогом. А в моих ресницах запутались солнечные зайцы, настойчиво требуя, чтобы я открыл глаза. Я пытаюсь спрятать свою голову под подушку... Но, в очередной раз, вдохнув запах яблочного пирога, перемешанный с речным бризом, залетевшим в открытые окна, и ароматами многолетников из палисадника во дворе нашего старого деревянного дома, обители бабушки Фисы, у ней я гощу, окончательно просыпаюсь, откидываю в сторону ветхую белоснежную простыню, и голыми ступнями встаю на прохладные половицы цвета терракоты. Они возмущенно скрипят...

– Бабушка..! – кричу я, топя в сторону кухни. А в ответ – тишина, только цвирканье кузнечиков за окном, еле слышное мычание соседской коровы, ее не выгнали пастись в заречные луга, потому что, вот-вот должна отелится. И мерное тук-тук-тук – старинных ходиков над моей головой, вместо одной гири бронзовый Будда весь покрытый патиной – неизвестным образом попавший в эти места, не то – очень маленький купеческий городок, не то большая деревня – Чердынь, бабушка говорит, что шесть сотен лет назад это место – столица окружающего окоема на сотни верст вокруг, именуемая Пермью Великой.

– Баб, ты где? Бабушки нет, на кухонном столе за печкой глиняный кувшин – крынка парного молока, тот самый яблочный пирог в щербатой тарелке покрытой финифтью коронованных орлов и надписью «Кузнецовъ» 1905 г. Под тарелкой с пирогом записка:

Буду к 19.00. вызвали подменить Надежду.

Бабушка

Я вздыхаю, поправляя сатиновые трусы – темно синие с белыми якорями, моя гордость и зависть местных пацанов, обидное «морячок» брошенное в спину, и иду умываться.

Я большой, мне семь лет. Я обещал маме, что больше не буду болеть... и поэтому набираюсь сил перед школой, живу у бабушки и лопаю витамины, запитываясь настоящим солнечным светом как батарейка.

*

В ручнике закончилась вода. Поэтому, я умываюсь прямо в бочке – у дома, отражаясь в ней взъерошенной лохматостью русых волос, курносый носом с рыжими веснушками и большими распахнутыми в этот мир глазами. Мама говорит, о том, что мои глаза похожи на небо. А я думаю, что: они – серые», но не спорю. Голубое бескрайнее небо тоже бывает серым, перед самым дождем или, когда вот-вот пойдет первый снег. – Брр... – я стараюсь не думать про зиму, впереди еще целый месяц лета, и я свободен как птица, вот налопаюсь яблочного пирога с парным молоком и решу, куда мне лететь.

*

За скрипучими серыми воротами с бронзовой щеколдой в форме стрелы – широкая дорога с пружинящими деревянными тротуарами. Эта дорога бежит вниз. К самой реке. Виляя, словно дворовый пес, обрубком куцевого хвоста. Складываясь в серпантин – заросший лопухами и диким шиповником оврагами. Мимо пытящего белым дымом хлебозавода – бывшего когда – то православным храмом Ильи пророка. Пересекаясь с высоким забором с частными садами, с крыжовником и колючей малиной, вишнями, жимолостью и яблоньками. А еще, купеческими кирпичными усадьбами и такими же, как наш дом – древними бревенчатыми избами – почерневшими от времени и суровых зим. Там, за оврагами и болотистыми ручьями, вековые амбары, с провалившимися крышами. И все тропинки выходят прямо на песчаную косу, спускаясь к самой воде. Река – широка, за ней сочные заливные луга, лес – настоящая тайга – изумруд на изумруде, проблеск белых берез и корабельные сосны – упираются верхуш-

ками в небо, а там – на самом горизонте – одинокая гора со странным непонятным для меня названием Полюд.

*

Меня безумно манят эти заречные дали, я знаю, что, они наполнены неведомым и таинственным. Но, отправляться туда один, я не спешу. Поэтому, просто перехожу дорогу. Перебираюсь на другую сторону. Здесь не бывает машин. По этой дороге обычно ходят, и лишь иногда проносятся тихоходные мотоциклы с колясками, похожие на травяных жеребчиков. Цвирк... Я иду к своим друзьям, Ленке и Сергею, они брат и сестра, они же Лека и Серый – белобрысые – выгоревшие на солнце, вечно смеющиеся, коричневые от того, что днями пропадают на улице, они старше меня на пару лет, но здесь в нашей компании мы на равных, потому что мы вместе. Они пахнут дымом и ветром, наверное, от того, что на крыше сарая, что рядом с приземистой банькой запускали своего оранжевого змея – сделанного из старого плаката «Миру – мир!» и тонких реек, перемотанного алыми нитками, зовущимися – мулине. У них одинаковые глаза – серо-зеленые, и руки – в белой краске, помогали красить забор своей бабушке Вере, с которой живут все лето, так же как я.

*

– Куда мы сегодня? – спрашиваю я, пожимая их в унисон протянутые теплые ладошки, шершавые и покрытые ципками.

– На старое кладбище... – шепчет Сережа.

– Не струсил?! – смеется – наша заводила – Лека. Так в первый раз сократил ее имя Серый и прозвище Лека тут – же прижилось в нашей компании.

– Нет, – шепчу я в ответ. – Но мы же, хотели за реку.

– Трусишка, зайка серенький, – смеется Лека, применив на меня любимую свою дразнилку, используемую сугубо для воспитания младшего брата.

– Нет, я ничего не боюсь. На кладбище, так на кладбище, пойдем!

*

2. Его зовут Медведь

*

Тук-тук-тук, – он слушает дождь. Он смотрит, как мир за окном превращается в стену дождя. И, кажется, что еще чуть – чуть, и эта вода затопит все вокруг,.... из луж поднимутся высокие волны и унесут его вместе с этим крохотным домом, оторвав от земли, в залесные дали, туда, где заходит оранжевое солнце или, еще выше, к снежным облакам, там, куда уходят пронзительным клином осенние птицы.

*

Тук-тук-тук, Медведь, любит дождь. Он с радостью встречает каждый из них, он знает, что этот дождь заплутавший предвестник десятков других, что придут вместе с осенью девой, закутанной в алый багрянец, и будут идти чередой до самых первых зимних заморозков в конце октября.

Он называет это – кино, то, что видит за пеленой, падающей с неба воды. И когда он смотрит это кино – вся крохотная комнатка наполняется живыми историями. И тогда Медведь не чувствует ни холода, ни того, что уже давно хочется есть.

Медведь привык жить именно так, и никак иначе.

*

Раньше, когда была еще жива бабушка, и мама не уезжала в большой город работать, оставляя его на день или два, все было иначе, но он уже начал забывать, как все это было.

Бабушка рассказывала, что когда-то давно, когда мама была маленькой девочкой, они жили в большом красивом доме, придерживались старой веры и вели крепкое хозяйство, а потом пришли нехорошие люди, а за ними огонь. Дед сгорел, спасая от огня все нажитое, а бабушка спасла все самое ценное, что было у нее, свою дочь – маму Медведя и холщовый мешок со старыми книгами, писанными еще три столетия назад их далекими предками.

*

Теперь, Медведь и мама, бабушка умерла год назад от воспаления легких, живут в собственной бане, приспособив ее для длинной зимы. Предбанник превратился в кухню, а помывочная с парилкой в единственную жилую комнату их нового дома.

Медведю нравится их банный дом. Он стоит на одном из двух малых холмов, на самой окраине деревни. Под одним холмом бьет из глубин земли ледяной ключ, тут же купель, срубленная при жизни деда, на другом холме разбит небольшой яблоневый садик и огород, а за холмами начинаются низины заливных лугов, до самого виднокрая, там, где узкая игла реки пронзает кромку высокого леса и небосвод.

*

Дождь, тук-тук-тук, Медведь смотрит кино. Там над рекой тоже есть холм, он выше в несколько раз того холма, на котором живет со своей мамой Медведь, по реке идет старый пароход – медленный, похожий на жука из-за своей приземистости и двух больших гребных колес, он как будто ползет по воде. По пароходу снуют вооруженные люди и матросы в белых одеждах. А на холме в зарослях низкорослых елей пароход ждет засада..., вот со свистом летят с неба зажигательные бомбы, взрыв, еще, пароход объятый пламенем пытается пристать к высокому каменистому берегу, а с холма из зарослей елей уже сыплются кричащие люди, это красные партизаны. С горящего парохода высаживается десант – одни офицеры, обгорелые с бледными-белыми лицами, похожие на мертвецов. Они бьются смело, пока с берега, с вершины холма не застрочил пулемет, тогда они начинают падать, один за другим. А красные партизаны идут в штыковую атаку, с криком: Ура! – добивая упавших. Медведь нашел такой штык, однажды, играя на этом самом холме, в поисках древних сокровищ. Теперь здесь навечно застыл, все также – прячась в зарослях елей памятник красным партизанам. Штык

был жутко ржавый, а памятник нет, он же – каменный, только осыпался по углам и подпись облезла от непогоды, а безвестный пароход, вернее все что от него осталось после огня, лежит где-то там – под мутной водой и пеленой идущего дождя.

*

Я вижу его такого лохматого и хмурого, скукожившегося на деревянной скамье перед маленьким окошком, он похож на настоящего медвежонка.

– Ты, кто? – удивленно спрашиваю я.

– Медведь, – насупившись, отвечает он.

А я, даже не успеваю удивиться, как меня снова вытаскивают наверх, и мир весь сжимается как спираль, оттаскивая меня назад.

*

3. Старое кладбище

*

Старое кладбище раскинулось на опушке у самой кромки мрачной тайги. Кажется, раньше оно было огорожено, но забор давно повалился, осталась только ветхая деревянная арка из окаменевших дубовых плах, сквозь которую мы и прошли, попав из мира живых в мир мертвых.

Ленка говорит, что это кладбище уже давно заброшено. И это действительно так... Земля на большинстве могил уже просела, деревянные кресты превратились в труху, а сквозь ржавые оградки проросли большие деревья. Некоторые деревья повалило ветрами или они рухнули от морозов, прямо на могилы, руша человеческие надгробия.

Серый рассказывает, что в этом месте – на кладбищенской окраине, в прошлом веке хоронили умерших заключённых с многочисленных окрестных лагерей. Их до сих пор здесь достаточно много, и зекон и лагерей. Поэтому если бабушка узнает, что мы ходили так далеко одни, то обязательно нас убьёт. Хотя потом конечно, будет сильно расстроена, и возможно, даже будет плакать.

*

Большинство сохранившихся надгробий – каменные. Вот – два серых ангела держат цветочный венок, заросшая мхом щербатая мраморная плита, на которой в зелени меди виден лик волка.

Я подхожу поближе, присаживаюсь затаив дыхание.

– У-у-у, – хватает меня за плечи сзади Серый.

– Ты идиот! – я падаю на колени перед этой надгробной плитой.

Подходит Ленка, помогая мне подняться:

– Это купцы тут наши похоронены, те, что еще до революции жили, богатеи страшные, пушниной торговали, корабельные верфи держали, говорят до самого ледового моря ходили.

Кто – говорит? – спрашиваю недоверчиво я.

– Ну, батюшка говорит из церкви Иоанна Богослова, которую, пленные шведы строили, – вздыхает Ленка.

– Какие такие тут могут быть пленные шведы, – я улыбаюсь.

А Ленка обижается на мое недоверие к ее авторитету:

– Ну и дурак, неученый, их сюда Петр 1 сослал, после того как под Полтавой ихнего Карла разбил.

Я лишь изумленно замолкаю, раньше я думал, что Ленка глупая как все девчонки, а она, оказывается, знает больше меня.

– Хочешь, я тебе потом могилу купцов Юргановых покажу, она тоже красивая, – идет на перемирие Ленка.

Мне хочется сказать: «как ты?», но лишь благодарно киваю.

А Сережа предлагает найти могилу восьмидесяти пяти великих войнов.

*

После Ленкиного рассказа про пленных шведов, я уже ничему не удивляюсь. Может быть, здесь действительно были такие.

– Были, – соглашается Ленка. Как будто отвечая на еще не заданный мною вопрос. Только их у часовни нужно искать, в другой стороне.

– Расскажи, – прошу я.

Ленка какое – то время вредничает, крутя хитрым веснушчатый носом. А потом, решается на историю.

– Ну, это, я не все помню...

– Рассказывай, – молим мы на пару с Сережкой.

– В общем, это было очень – очень давно, – Ленка дует на непослушную челку, которая лезет ей в глаза подталкиваемая неизвестно откуда взявшимся шаловливым ветром. – Тогда в одну из очень холодных зим к нашему городу подступили враги, ногайский хан вел войско в три сотни могучих бойцов и готов был грабить и жечь, а наши собрали всего восемьдесят пять воинов. Восемьдесят пять героев решили встретить врага на льду замерзшей реки, перекрывавшей путь к городу, залегли в снега, их накрыло разыгравшейся вдруг метелью, а когда ногайская конница стала перебираться по льду, выскочили из снега и стали рубиться не на жизнь, а на смерть. Ленка замолчала, а мы с Сереньким замерли, боясь, что она остановится на самом интересном месте, и не будет из вредности рассказывать дальше. Но Ленка, смилостивилась, а может быть просто сама была увлечена своим повествованием. – И вот, – вздохнула она, – когда пал последний из защитников города, закончилась метель. Из пришедших вместе с ногайским ханом воинов – батыров осталось менее половины. И Хан решил не идти на город, в котором живут столь отважные воители, и повернул назад. А как только он сошел с речного льда вместе со своим войском, лед посреди реки треснул и вскрывшаяся река забрала тела всех погибших. Трудно пришлось горожанам без лучших мужей, был голод, не раз у стен города появлялись чужие лихие люди, и подвиг сих воинов был позабыт на сто лет. А когда через сто лет жители города вспомнив об этой великой битве, решили поставить часовню, посвятив ее своим защитникам, то уже не смогли вспомнить их имен, помнили только, сколько их было – восемьдесят пять. И поэтому так и называли часовню «85 воителей-защитников», поставив у этой часовни – пустую плиту. Однако на утро после возложения, на плите чудесным образом появилось восемьдесят пять имен защитников города.

*

– Брехня...

– Сам ты брехня! – Ленка показывает братишке язык. – Зайка серенький скакал, и свой хвостик замарал..., – весело хохочет она. – Потому что зайка обка....

– Дурра! – кричит Сережка.

– А я верю, я люблю такие истории. Пытаюсь замирить этих взбалмошных родственников я. – А есть здесь еще, что – то такое же?

– Ага, – Ленка уворачивается от шишки, которой зафингалил в нее Сережка. – Где – то тут безымянная могила двадцати семи красноармейцев. Они с белыми бились, когда в город Колчак со своими пришел. Но где она, никто не знает. Памятник им в центре у сквера стоит, но под ним ничего, большие ребята говорили, упреждая мой вопрос, отвечает это белобрысое создание женского пола.

– Жалко..., – я иду по заросшим тропкам меж старых могил, погруженный в рассказанную Ленкой историю, когда вдруг вижу висящий на одной из ветвей рябины самодельный лук. Все лето мечтал о таком, но у меня не получалось сделать...его самому. Он как настоящий: крепкий, резной, со специальной канавкой для того, чтобы класть стрелу, тетива – кожаный шнур, такой же шнур намотан у оснований.

– Чур мое, чур мое, – радостно кричу я, хватая свою находку. – Я первый нашел!!!

А Ленка с Сережкой непонятно надулись.

– Этого нельзя, – сказал первым Сережка.

– Точно, нельзя..., – Ленка согласно кивнула.

– Почему!?! – удивляюсь я.

– Это не наше, – Ленка поправила свою белокурую челку.

– А чье!?!

– Мертвых, – страшным голосом с завываньем смеется Сережка. Но глаза его совсем не смеются.

– И что?! – я вовсе не хочу расставаться со своей внезапной находкой.

– Мертвые придут и заберут тебя вместе с этим самым луком, – вполне серьезно отвечает Ленка.

И тут я побежал, думая, что никому не хочу его отдавать, не Ленке, не Сережке, не этим самым выдуманым ими мертвым.

*

Далеко уйти мне не удалось, запнулся о внезапно подставленный старым деревом корень, а дальше вспышка и бархатная тьма.

*

Мне пять лет, в Пермь приехал любимый дед..., до сих пор помню его седые волосы, крупные черты лица, тихую успокаивающую улыбку и медленные уверенные движения, человека повидавшего за свою жизнь много. Я знаю, что он директор школы, где-то в далеком уральском городке, а раньше настоящий морской офицер, кавалер различных орденов и наград, побывавший на трех войнах.

Для меня он просто – ДЕД, и я и иду вместе с ним по августовским лужам в шортах, цветастой майке и сандалиях, а он в сером потертом костюме, как большая скала, мы решили погулять по набережной Камы, и нам не страшна непогода, мелкий холодный дождь и то, что нет зонта.

Мы спускаемся в подземный переход, там таинственно темно и бесшумно, никого кроме нас двоих, и шаги какие-то по бесшумному глухие. А когда, поднимаемся наверх, вокруг огромный мир – залитый ярким по цыплячи желтым солнечным светом. Невдалеке, шумят большие деревья, с совершенно зеленой листвою, множество плакучих ив и цветущий жасмин, переплетение мощных камнем дорожек и укутанная запахами соли и нагретого солнцем песка набережная. На лавочках – улыбчивые старушки в огромных шляпах – панاماх, с такими же, как и я цветастыми мальчишками и девочками, а самое главное, за чугунным парапетом плещется самое настоящее МОРЕ....

У, как я визжу от счастья. Выпускаю руку деда. Бегу туда, где теплые соленые волны и белый песок.... Я трогаю волны руками как незнакомого, но симпатичного котенка, дую на белую пену, скинув сандалии, ношусь, обезумев в прибое, а когда вижу, что вода достаточно теплая, отпрашиваюсь у деда поплавать под его присмотром.

– Мы никому не скажем, – шепчет дед прикладывая палец к своим губам, на его запястье синий якорь, половина солнца в виде штурвала и крылатый змей...

*

О, как болит моя голова.... Дед, море. Лохматый мальчик, который сказал, что он – Медведь. Я касаюсь своего затылка, на руке кровь. Кажется, я ударился о могильную плиту..., когда бежал и запнулся о древесный корень, да еще был лук:

– Где мой лук?! – спрашиваю я склонившегося надо мной круглолицего старика, одетого в засаленную телогрейку и точно такие же ватные штаны.

– Хүүхэд, – отвечает старик, щуря свои итак необычно узкие глаза цвета крепко заваренного чая, который местные называют чифирь.

– Голова болит, – жалобно шепчу я.

– Чичас, чичас, будет хорош, – круглолицый лысый старик в засаленной фуфайке, протягивает к моей голове свои ладони, похожие на корни деревьев, и начинает водить ими по кругу, что – то шепча себе под нос.

Я вижу, как из рукавов фуфайки появляются руки в наколках – кусающие себя за хвост змеи или драконы, мне становится страшно, я сразу вспоминаю про зеков и про лагерь, которых вокруг так много.

Старик видит мой страх: Бүү ай гэж тэнгэр элч тэдэнд хэллээ, – говорит старик, глядя мне в глаза: «он хочет, чтобы я не боялся», понимаю я краешком сознания. А старик продолжает уже по-русски: ничего, хорош будет, хорош.

– Ага, хорош, – слышу за спиной деда в грязной фуфайке Ленкин бубнеж.

– Нам теперь за него дома попадет, – вздыхает где-то рядом Ленкин братик.

– Все хорош, – кивает старик, указывая небритым подбородком на меня и поднявшись легко, одним движением, оказывается на ногах, словно потеряв к нам всяческий интерес, быстрым шагом направляясь в сторону таежного леса.

А я, сидя у могильной плиты, ощупываю свою голову, раны там нет, только небольшая шишка. Нет и причины моего неудачного падения – лука. И я даже не думаю его искать. Кажется, что-то поняв.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.